

*И я в Аркадии!*¹

ОТ КАРЛСБАДА ДО БРЕННЕРА

3 сентября 1786. В три часа утра я выехал тайком из Карлсбада: иначе меня бы не отпустили. Общество, так дружески отпраздновавшее 28 августа день моего рождения, приобрело тем самым некоторое право меня задерживать; но медлить далее было незачем. Я уселся в полном одиночестве в почтовую карету, захватив только чемодан и дорожную сумку, и в половине восьмого прибыл в Цвоту, в прекрасное, тихое, туманное утро. Верхние облака были полосатые и волнистые, нижние нависали тяжело. Это мне показалось хорошим предзнаменованием. У меня явилась надежда после такого неудачного лета насладиться хорошей осенью. В двенадцать, при жарком солнце, я был в Эгере; я вспомнил, что это место лежит на одной широте с моим родным городом, и порадовался, что снова пообедаю при ясном небе под пятидесятым градусом.

Первое, что встречаешь в Баварии, — это монастырь Вальдзассен, роскошные владения духовных лиц, которые оказались предусмотрительнее прочих людей. Он расположен в горном углублении, чтобы не сказать — котловине, в красивой, покрытой лугами местности, окруженной плодородными отложениями возвышенностями. Владения этого монастыря расстилаются далеко по окрестной стране. Почва состоит из выветрившегося глинистого сланца. Кварц, который заключен в этой горной породе, не растворяется и не вывет-

ривается, а потому делает поля рыхлыми и чрезвычайно плодородными. Местность повышается до самого Тиршенройта. Воды текут вам навстречу, по направлению к Эгеру и Эльбе. От Тиршенройта начинается спуск к югу; и воды устремляются в Дунай. Я очень быстро ориентируюсь в любой местности, как только мне удастся установить направление хотя бы самого маленького ручейка или речной бассейн, к которому он принадлежит. Таким способом мысленно устанавливаешь связь между горами и долинами даже в местностях, которые не можешь охватить взглядом.

Перед упомянутым местечком начинается превосходное шоссе из гранитного песка. Трудно представить себе что-нибудь более совершенное: выветрившийся гранит состоит из кремня и глинозема, образующих одновременно и плотный грунт, и превосходное связующее вещество, отчего дорога становится гладкой, как ток. Зато местность, через которую она проложена, от этого проигрывает: это тот же гранитный песок, но лежащий низко и заболоченный. Тем желаннее кажется прекрасная дорога. Местность здесь понижается, поэтому едут с невероятной быстротой, резко контрастирующей с черепашьям шагом, к которому мы привыкли в Богемии. На прилагаемом листке² перечислены названия станций. Короче говоря, на следующее утро в 10 часов я был в Регенсбурге, проехав эти двадцать четыре с половиной мили в тридцать девять часов. Когда начало светать, я находился между Швандорфом и Регенштауфом; тут я заметил, что почва изменяется к лучшему. Это уже не продукт выветривания гор, но наносная, смешанная земля. В незапамятные времена все долины вверх по Регену испытывали действие прилива и отлива из долины Дуная, куда они изливают теперь свои воды; так, естественным образом, возникли эти наносные поля, на которых процветает земледелие. То же явление наблюдается по сосед-

ству всех больших и малых рек, и с этой путеводной нитью исследователь может быстро получить представление о годности данной почвы для земледелия.

Регенсбург расположен очень красиво. Такая местность неизбежно должна была привлечь к себе город; к тому же духовенство сумело о себе позаботиться. Все поля вокруг города принадлежат ему, а внутри города — церковь на церкви и монастырь на монастыре. Дунай напомнил мне старый Майн. Во Франкфурте река и мосты красивее и лучше, но здесь зато Штадтамхоф, расположенный на противоположном берегу, имеет очень живописный вид. Прежде всего я отправился в иезуитскую коллегию³, где ученики давали очередное годовичное представление, видел конец оперы и начало трагедии. Они играли не хуже начинающей любительской труппы и были одеты очень хорошо, пожалуй, даже слишком роскошно. Это публичное представление лишней раз убедило меня в мудрости иезуитов. Они не пренебрегают никакими средствами воздействия на людей и умеют подойти к каждому с любовью и вниманием. В этом сказывается не отвлеченный разум, тут есть радость от самого дела, наслаждение — вместе с другими и для себя, возникающее от умения пользоваться жизнью. Подобно тому как в составе этого большого духовного общества имеются собственные органные мастера, резчики по дереву, изготавливающие изображения святых, и золотильщики, так среди них есть и такие, которые занимаются театральным делом со знанием и по внутренней склонности, и если их церкви отличаются привлекательной пышностью, то с помощью порядочного театра эти проникательные люди умели подчинить себе и светскую чувственность.

Сегодня я пишу под сорок девятым градусом. Он подает хорошие надежды. Утро было прохладное; здесь тоже жалуются на сырое и холодное лето; но потом на-

ступил великолепный тихий день. В мягком воздухе, который приносит с собой большая река, есть что-то особенное. Фрукты здесь неважные. Хорошие груши я ел; но я тоскую по винограду и фигам.

Деятельность иезуитов не перестает занимать мои мысли. В устройстве их церквей, башен, строений есть что-то величественное и законченное, невольно внушающее людям уважение. Золото, серебро, металлы, шлифованные камни нагромождены с таким богатством и пышностью, которые должны ослеплять неимущих всех сословий. Нет недостатка и в безвкусице, примиряющей и привлекающей человечество. Таков вообще дух католического богослужения; но никогда я не видел, чтобы он осуществлялся так умно, умело и последовательно, как у иезуитов. Все дело в том, что они не поддерживали старомодное и притупившееся благочестие, как монахи других орденов, но подновили его роскошью и блеском в духе времени.

Какой-то необыкновенный камень идет здесь на поделки разного рода: по виду — род мертвого лежня, но на самом деле он более древней, первичной и даже порфириобразной породы. Он зеленоватого цвета, с примесью кварца, пористый, и в нем попадаются большие пятна плотной яшмы, в которой, в свою очередь, можно обнаружить маленькие круглые пятнышки брекчии. Один такой кусок показался мне особенно поучительным и аппетитным, но камень был слишком тяжел, и к тому же я поклялся, что не буду таскать за собою камней во время этого путешествия.

Мюнхен, 6 сентября. 5 сентября в половине первого дня я выехал из Регенсбурга. Местность около Абаха очень красива. Дунай разбивается об известковые скалы, которые тянутся до Заала. Известняк здесь, как в Остероде около Гарца, плотный, но в целом пористый. В шесть утра я был в Мюнхене; я осматривал его в те-

чение двенадцати часов, но отмечу лишь немногое. В картинной галерее я чувствовал себя неудобно. Мне нужно снова приучить свои глаза к картинам. Там есть прекрасные вещи. Эскизы Рубенса для Люксембургской галереи⁴ доставили мне большую радость.

Здесь же и благородная игрушка — модель колонны Траяна⁵, фон из ляпис-лазури, фигуры позолочены. Во всяком случае, это красивая работа, и смотришь на нее с удовольствием.

В зале антиков я сразу заметил, что глаза мои не приучены к этим предметам, а поэтому мне не захотелось оставаться в нем дольше и напрасно терять время. Многое меня совсем не затронуло; почему именно — я сам не мог бы объяснить. Мое внимание привлекла статуя Друза, понравились два Антонина и кое-что еще. В общем вещи расставлены неудачно, хотя их и предназначали для украшения, и зал или, вернее, подвал выглядел бы неплохо, если бы его содержали опрятнее и лучше. В естественно-научном кабинете я увидел красивые вещи из Тироля, которые мне уже знакомы по небольшим образчикам, принадлежащим мне лично.

По дороге я встретил женщину с фигами; они пришлись мне очень по вкусу, потому что были первыми. Вообще же для сорок восьмой параллели фрукты не слишком хороши. Здесь сплошь жалуются на холод и сырость. Сегодня утром около Мюнхена меня встретил туман, который мог сойти за дождь. Целый день дул холодный ветер с Тирольских гор. Взглянув в ту сторону с башни, я увидел, что они покрыты облаками и все небо затянуто. Сейчас заходящее солнце еще освещает старую башню перед моим окном. Простите, что я так много внимания уделяю ветру и погоде: путешествующий сухим путем зависит от них почти в той же мере, как мореплаватель, и было бы слишком обидно, если бы осень в чужих краях оказалась для меня столь же неудачной, как лето на родине.

Теперь прямо на Инсбрук⁶. Чего только я ни оставлю в стороне, и справа и слева, чтобы осуществить единственную мысль, едва ли не слишком застаревшую в моей душе!

Миттенвальд, 7 сентября, вечером. По-видимому, мой гений-хранитель отвечает «аминь» на мои молитвы, и я признателен ему за то, что он привел меня сюда в такой прекрасный день. Последний возница заявил мне с радостным возгласом, что это первый такой день за все лето. Я втайне лелею суеверную надежду, что так будет и впредь; но друзья должны мне простить, если речь снова зайдет о воздухе и облаках.

Когда в 6 часов я выезжал из Мюнхена, небо уже прояснилось. На Тирольских горах облака стояли неподвижно огромными массами. В нижних слоях атмосферы держались также неподвижные полосы. Дорога идет на высоте, откуда виден Изар, протекающий внизу по наносным холмам из гравия. Здесь с полной ясностью обнаруживается работа древних морских течений. Среди гранитных обломков я нашел братьев и родственников тех экземпляров моей коллекции, которыми я обязан Кнебелю⁷.

Туманы над рекой и лугами некоторое время держались, наконец и они рассеялись. Между упомянутыми холмами гравия, которые тянутся на несколько часов в длину и ширину, — самая прекрасная и плодородная почва, как в долине Регена. Дорога снова приближается к Изару, откуда видны в разрезе обрывистые скалы тех же холмов, футов в 150 вышиной. Я прибыл в Вольфратсхаузен, достигнув сорок восьмой параллели. Солнце сильно пекло. Однако никто здесь не доверяет хорошей погоде, все бранят уходящее лето и жалуются, что всемогущий Бог не хочет ни о чем позаботиться.

Тут мне открылся новый мир: я приближался к горам, которые постепенно развертывались передо мной.

Монастырь Бенедиктбейрн⁸ расположен чудесно и поражает при первом взгляде. Широкое и длинное белое строение среди плодородной равнины, а позади — широкий, высокий скалистый хребет. Отсюда начинается подъем к озеру Кохель, еще выше в горы — к озеру Вальхен. Здесь я приветствовал первые оснеженные вершины; я выразил удивление, что снежные горы уже так близко, но мне объяснили, что вчера в окрестности была сильная гроза и на горах выпал снег. В этих атмосферных явлениях хотят почерпнуть надежду на лучшую погоду, а в первом снеге видят указание на изменение общего состояния атмосферы. Окружающие меня утесы целиком из известняка, самого древнего, еще не содержащего в себе окаменелостей. Эти известковые горы тянутся огромными непрерывными рядами от Далмации до Сен-Готарда и дальше. Гакет⁹ объездил большую часть этой цепи. Они примыкают к первичным горам, богатым кварцем и глиноземом.

К озеру Вальхен я прибыл в половине пятого. Примерно за час пути до этого места со мной произошло приятное приключение: ко мне подошел арфист с дочерью, девочкой лет одиннадцати, и попросил меня взять ее в коляску. Сам он пошел дальше, неся свой инструмент, а я усадил девочку к себе, и она бережно поставила к ногам большой новый сундучок. Это прелестное бойкое создание уже немало странствовало по свету. Она ходила с матерью пешком на богомолье в монастырь Марии Эйнзидельн¹⁰, и обе только что собрались предпринять еще более далекое путешествие в Сантьяго-де-Компостела¹¹, как мать скончалась, не успев выполнить свой обет. Девочка уверяла, что в почитании Богоматери нельзя быть слишком усердным. Она видела своими глазами, после большого пожара, дом, обгоревший почти до основания, где над уцелевшей дверью за стеклом висел образ Богоматери: и картина, и стекло остались нетронутыми, а это было уже

явное чудо. Все свои путешествия она проделала пешком, под конец играла в Мюнхене перед курфюрстом; всего же ее прослушала двадцать одна княжеская особа. Она очень забавляла меня. Большие красивые карие глаза, упрямый лоб, который по временам покрывался небольшими морщинками. В разговоре она была мила и естественна, особенно когда по-детски громко смеялась; напротив, когда она молчала, казалось, что она старается напустить на себя важность, и ее верхняя губка принимала неприятное выражение. Я переговорил с нею о многом; она всюду была как дома и хорошо умела наблюдать окружающее. Так, однажды она спросила меня, что это за дерево. Это был большой красивый клен, первый попавшийся мне на глаза за всю дорогу. Она сразу заметила его и потом, когда их появилось еще несколько, радовалась, что умеет различать и это дерево. Она сказала, что идет в Боцен на ярмарку, куда, вероятно, направляюсь и я. Если она меня там встретит, я должен купить ей гостинец, что я и обещал. Там она наденет свой новый чепчик, который она купила себе в Мюнхене на свои собственные деньги. Впрочем, мне она покажет его сейчас. Тут она открыла сундучок, и я полюбовался вместе с нею нарядно вышитым и украшенным лентами головным убором.

И еще одна приятная надежда порадовала нас обоих. Она утверждала, что будет хорошая погода. По ее словам, у них при себе свой собственный барометр — арфа. Если дискант повышается, как сегодня, то должна наступить хорошая погода. Я ухватился за это предсказание, и мы расстались в самом радужном настроении в надежде на скорое свидание.

На Бреннере, 8 сентября, вечером. Добравшись сюда почти поневоле, я устроился наконец на отдых в тихом местечке, лучше которого я бы не мог пожелать. День был такой, каким можно годами наслаждаться в вос-

поминании. В 6 часов я выехал из Миттенвальда. Резкий ветер окончательно расчистил ясное небо. Стоял такой холод, какой позволителен только в феврале. Но при блеске восходящего солнца стали разворачиваться чудные, вечно меняющиеся картины: передние планы темные, поросшие соснами, в промежутках — серые известковые скалы, позади — высочайшие, покрытые снегом вершины в густой небесной синеве.

Около Шарница въезжаешь в Тироль. Граница окружена валом, который запирает долину и примыкает к горам. Вид очень красивый: с одной стороны утес укреплен, с другой — отвесно поднимается вверх. От Зеефельда дорога становится все интереснее; до этого места, начиная от Бенедиктбейрна, она поднималась с одной вершины на другую, и все воды стремились к бассейну Изара, теперь же через хребет мы видим долину Инна, и перед нами расстилается Инзинген. Солнце было высокое и знойное. Мне пришлось облегчить свой костюм, который я часто меняю из-за изменчивости дневной температуры.

Около Цирля начинается спуск в долину Инна. Местность эта неописуемо прекрасна, а окружающая ее солнечная дымка придает ей великолепие необычайное. Возница спешил больше, чем мне хотелось: он еще не был у обедни и потому особенно торопился, чтобы с тем большим усердием отстоять ее в Инсбруке, — был как раз праздник Богородицы. Мы с шумом мчались вниз вдоль Инна, минуя Мартинсванд, огромную, отвесно обрывающуюся известняковую стену. К тому месту, куда, по преданию, взбирался император Максимилиан¹², я бы решился пройти и спуститься обратно без помощи ангела, хотя это, конечно, было бы дерзким предприятием.

Инсбрук расположен чудесно — в широкой, богатой долине, среди высоких гор и утесов. Я думал сначала там остановиться, но что-то все время не давало мне

покоя. Некоторое время я забавлялся с сыном хозяина, вылитым Зёллером¹³. Так постепенно я встречаюсь со своими. Все здесь принарядились, чтобы праздновать Рождество Богородицы. Здоровые и благодушные, они толпами идут на богомолье в Вильтен, за четверть часа от города, по направлению к горам. В 2 часа, когда моя мчащаяся коляска прорезала оживленную пеструю толпу, веселое шествие было уже в полном ходу.

Выше Инсбрука дорога становится все красивее; описание тут бессильно. Вверх по ущелью, направляющему свои воды в Инн, поднимаются по доступным и удобным путям, откуда взору открываются бесконечно разнообразные картины. Дорога проходит вплотную около крутого утеса, местами высечена в нем; в то же время его противоположная сторона спускается мягко и отлого, так что на ней еще вполне возможно земледелие. Между полями и изгородями, на покато́й, высокой и широкой плоскости, расположены деревни, дома, домики и хижины, все выкрашенные в белый цвет. Дальше картина меняется: годная для обработки земля превращается в луг, пока и он не теряется среди крутых обрывов.

Многое приобрел я за это время для моей творческой картины мироздания, но ничего вполне нового и неожиданного. Часто мечтал я и о той модели¹⁴, о которой так давно говорю: на ней я мог бы наглядно показать то, что бродит в моей душе и что не каждому я могу с достаточной ясностью указать в природе.

Между тем становилось все темнее и темнее, детали исчезали, массы становились все грандиознее и чудеснее; наконец, когда вокруг все колыхалось передо мною, как глубокая таинственная картина, внезапно я снова увидел высокие снежные вершины, озаренные луной, и вот я жду, чтобы утро озарило это скалистое ущелье, в котором я сжат на рубеже между севером и югом.

Добавлю еще несколько замечаний относительно погоды¹⁵, которая, может быть, потому столь благосклонна ко мне, что я уделяю ей так много внимания. На ровной земле хорошую и плохую погоду принимаешь уже в готовом виде, в горах же присутствуешь при ее образовании. Это случалось со мною так часто в путешествии, во время прогулок, на охоте, когда я проводил целые дни и ночи напролет в горных лесах, среди скал, что именно там во мне зародилась одна фантазия, которую я не собираюсь выдавать за что-либо иное, хотя в то же время не могу от нее освободиться, как и вообще труднее всего бывает избавиться от собственных фантазий. Я вижу ее повсюду, как будто это истина, и потому-то хочу ее высказать: ведь и так мне нередко приходится испытывать снисходительность моих друзей.

Когда мы смотрим на горы, вблизи или издалека, и видим их вершины то сверкающими на солнце, то окутанными туманом, то среди бушующих грозовых туч, под ударами дождя, или покрытыми снегом, мы относим это все за счет влияния атмосферы, потому что ее движения и изменения мы хорошо подмечаем и видим простым глазом. Напротив, горы для наших внешних чувств остаются неподвижными в своем исконном виде. Мы считаем их мертвыми, тогда как они застыли; мы думаем, что они бездействуют, потому что они пребывают в покое. Но уже с давних пор я не могу удержаться, чтобы не приписывать большую часть атмосферных изменений именно их внутреннему, тихому, тайному воздействию. Я думаю, что вся земная масса вообще, а ее выдающиеся части в особенности не имеют постоянной, всегда одинаковой силы притяжения, но что сила эта проявляется в известной пульсации, так что по внутренним, необходимым, а быть может, и внешним, случайным причинам она то увеличивается, то уменьшается. Пусть даже все другие по-

пытки подметить эти колебания окажутся слишком ограниченными и грубыми — атмосфера достаточно восприимчива и обширна, чтобы сообщить нам об этих скрытых влияниях. Стоит этой силе притяжения сколько-нибудь ослабеть, как уменьшение тяжести воздуха, его меньшая эластичность тотчас же указывают нам на это. Атмосфера уже не в силах удерживать влагу, которая распределялась в ней химически и механически, нависают тучи, низвергаются дожди, и дождевые потоки устремляются в равнины. Но стоит горам увеличить силу притяжения, как эластичность воздуха немедленно восстанавливается, откуда возникает два важных явления. Сперва горы скопляют вокруг себя огромные массы облаков, удерживают их плотно и неподвижно над собою, подобно вторым вершинам, покуда, подчиняясь внутренней борьбе электрических сил, они не спускаются в виде грозы, тумана и дождя; затем остатки их подвергаются действию эластичного воздуха, который опять способен вместить, растворить и переработать более значительное количество влаги. Исчезновение одного такого облака я видел очень отчетливо: оно висело на крутой вершине, его освещала вечерняя заря; медленно-медленно отделились его края, некоторые клочья были оттянуты и подняты вверх; они исчезли, и так мало-помалу исчезала вся масса, и наконец невидимая рука спряла ее всю на моих глазах, как кудель.

Если друзья посмеются над странствующим наблюдателем погоды и его необычайными теориями, то и другие мои замечания дадут им, быть может, повод к насмешке: мое путешествие было, в сущности, бегством от всех невзгод¹⁶, которые я претерпел под пятьдесят первой параллелью, и, должен сознаться, я надеялся под сорок восьмой попасть в настоящий земной рай. Однако мне пришлось разочароваться, что можно было ожидать заранее: ведь климат и погоду создает

не только географическая широта, большое значение имеют также горные хребты, в особенности те, которые пересекают страну с востока на запад; в них все время происходят большие изменения, и больше всего страдают от этого страны, расположенные к северу. Так, за это лето погода на всем севере, по-видимому, определялась влиянием большой Альпийской цепи, на которой я все это пишу. Последние месяцы здесь все время шел дождь, а юго-восточный и юго-западный ветры перегоняли его в северном направлении. Говорят, что в Италии стояла прекрасная, даже слишком сухая погода.

Теперь несколько слов о царстве растений, которое всецело подчинено и разнообразно обусловлено влиянием климата, высотой гор и степенью влажности. И здесь я не заметил особой перемены, хотя все же встречаются изменения к лучшему. В долине под Инсбруком яблоки и груши висят уже в изобилии, но персики и виноград привозят сюда из Италии или, вернее, из южного Тироля. Вокруг Инсбрука разводят много кукурузы и гречихи, которую здесь называют *blende*. Поднимаясь по Бреннеру¹⁷, мы видели первые лиственницы, около Шёнберга — первый кедр. Интересно знать, стала бы маленькая арфистка задавать мне вопросы здесь?

По отношению к растениям я еще чувствую себя беспомощным, как ученик. До Мюнхена я искренно думал, что встречаю только самые обыкновенные. Правда, моя торопливая езда днем и ночью не способствует более тонким наблюдениям. Хотя Линней¹⁸ у меня с собой и его терминология хорошо запечатлелась в моей памяти, но откуда взять время и покой для детального анализа, который к тому же — насколько я себя знаю — никогда не будет моей сильной стороной? Поэтому я изошряю свое зрение, стараясь уловить общее, и, когда я увидел у озера Вальхен первую